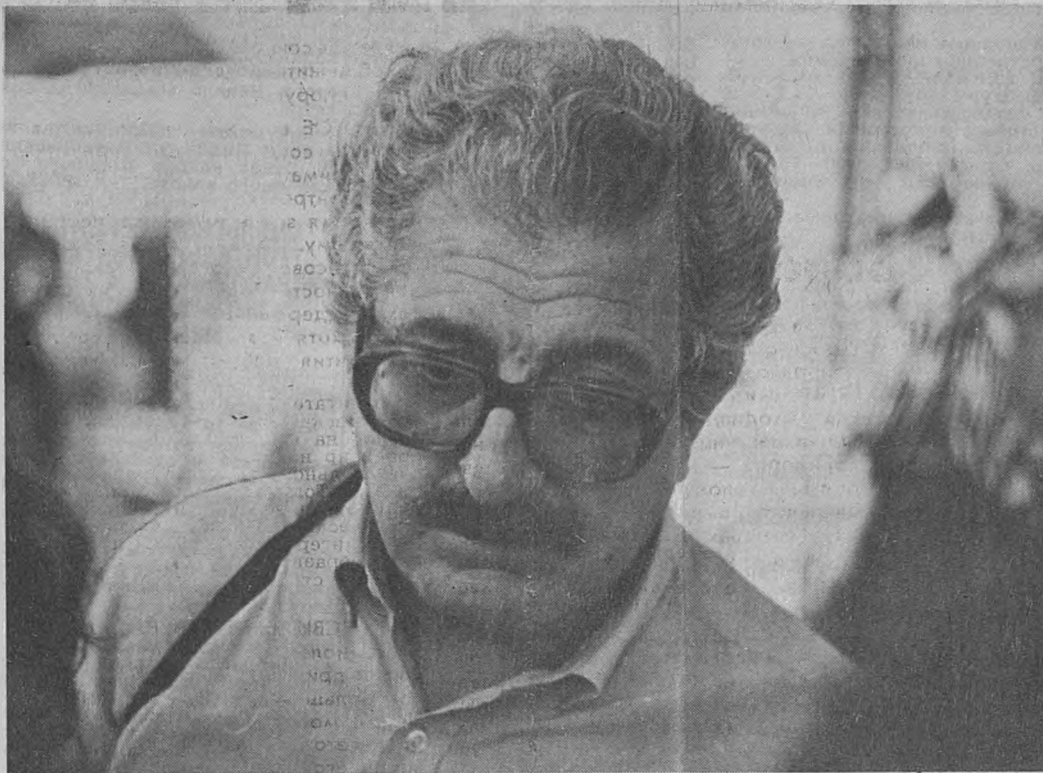

ПОРТРЕТ МАСТЕРА

ГНЕВ И НЕЖНОСТЬ

КТО-ТО заметил, что поэты похожи на свои стихи.

Хуан Антонио Бардем похож на свои фильмы.

В его лице — необычайно изменчивом, живом, вспыхивающем оттенками тончайших эмоций — поражает сочетание силы, властной, неуступчивой воли и какой-то беззащитной, доверчивой доброты. А в его картинах страсть и горечь социального обвинения соседствуют с пронзительным лиризмом, любовью и состраданием к простому человеку.

Он стал знаменитым четверть века назад, когда по всему миру в строгой тишине кинозалов прошли его прекрасные ленты «Смерть велосипедиста» и «Главная улица». Потом было долгое вынужденное молчание в условиях франкистской Испании, редкие заработки, мечта о новой картине. Он участвовал в демонстрациях, избивался полицейскими, несколько раз был арестован. Он стал коммунистом в труднейшее для Испании время.

Сюжеты последних картин Бардема рождались в тюрьме. Франкистский режим рушился, и даже сюда, в заточение, проникали отголоски социальных потрясений. Когда он вышел на свободу, Испания была неузнаваемой, она клокотала, как разбуженный вулкан. Вой полицейских сирен и слова рабочей солидарности, крики фашистских выкорышек и плач вдов, выстрелы террористов и демагогические разлагольствования телевизионных комментаторов — в какой трагической, неразрешимой симфонии слились аккорды сурового, переломного времени. Как нелегко было во всем этом разобраться! И как необходимо — и ему самому, и его народу.

По горячим следам событий, с оперативностью, достойной восхищения, Бардем создал «Конец недели» и «Семь дней в январе» — яростную хронику еще дымящихся, кровотокающих событий. Но Бардем не был бы Бардемом, если бы он ограничился только честной, протокольно-сдержанной хроникой. Нет, оставаясь точным в самых мелких деталях трагических поворотов новейшей испанской истории, Бардем развинул свои фильмы в емкую, многозначную метафору о непростых путях, которые ведут к истинной демократии и свободе.

Мне довелось видеть эти картины с интервалом в два года на X и XI Московских кинофе-

стивалах. В центральном просмотровом зале сидела разноязыкая, разношерстная публика, бесстрастные голоса переводчиков дублировали текст на шести языках. Я помню, какая стояла тишина, и какой шквал аплодисментов обрушился после просмотра! Индийцы и немцы, африканцы и скандинавы были поражены силой гнева и силой доброты, слитых в картинах режиссера, выросшего на земле Гойи и Сервантеса. Два Золотых приза Московских фестивалей — таков итог его страстного монолога о судьбе родной страны, о ее трудных поисках будущего.

Казалось бы, после такого признания наконец-то придет «звездный час» режиссера. Истосковавшийся по работе, закаленный в огне классовых битв, во всеоружии трудного опыта и горького знания жизни, художник сможет создать свои лучшие, исповедальные произведения. Но крупнейший режиссер мирового экрана, картинами которого могла бы гордиться любая страна, как национальным достоянием, вновь оказался на родине без работы. Ни один продюсер не желал вкладывать деньги в постановку фильмов художника-коммуниста, исповедующего наступательный, политический кинематограф. Прошел год, второй...

В прошлом году Хуан Антонио Бардем был членом жюри XII Московского фестиваля. Тогда журналистов и облетела весть, что Бардем приступил к съемкам фильма «Предупреждение» о жизни и борьбе Георгия Димитрова — славного сына болгарского народа. Сначала это известие показалось необъяснимым. Как, Хуан Антонио Бардем, фильмы которого ввели в себя боль и гнев Испании, ее кровь и слезы, будет снимать картину в чужой стране, на чужом языке? Но как

выяснилось, все эти вопросы, прежде чем они многократно были заданы режиссеру журналистами, он задавал себе сам в часы творческих сомнений и надежд. Решение пришло не сразу, оно было поистине выстрадано, и потому слова Бардема в ответ на растерянную заинтересованность репортеров ложились весомо, как тяжелые слитки золота.

— Я понял, — говорил Бардем, — что жизнь коммуниста, если она до конца отдана своему народу, уже принадлежит не одной нации, а всем честным людям земли. Борьба Георгия Димитрова за мир, его предупреждение об угрозе фашизма, адресованное человечеству в канун второй мировой войны, звучит актуально и теперь, когда на планете полыхают войны и поднимают голову чернорубашечники разных мастей. Я должен поставить эту картину.

Прошел ровно год со дня того разговора. Совсем недавно состоялась премьера картины в Москве, а через несколько недель она была показана на кинофестивале в Карловых Варах. Фильм еще только находится на пути к зрителю, но уже сейчас ясно, что Бардем создал незаурядное произведение. Большой специальный приз и премия Лидице — две крупнейшие награды крупнейшего международного форума увенчали интернациональный — по составу создателей и по духу — фильм.

Сейчас Бардем находится накануне новой большой работы. Он давно мечтал поставить картину о последних днях жизни испанского поэта Гарсиа Лорки, затравленного буржуазией и так горячо любимого народом. Долгие годы этот замысел Бардему не удавалось осуществить в своей стране, и лишь теперь появилась возможность снять совместный советско-мексиканский фильм. Горький парадокс: большой испанский режиссер снимает фильм о большом испанском поэте без участия своей страны. Впрочем, оставим этот факт на совести испанских заправил кинобизнеса. Что же касается зрителей будущей ленты, то для них этот факт вряд ли будет иметь решающее значение. Ведь если картине отданы талант, страсть, гнев и нежность художника, то она уже принадлежит не одной нации, а всем честным людям земли...

Л. ПАВЛЮЧИК.
Фото автора.